

ЗУБИЛОМ или КЛЮЧОМ ОТКРЫЛ ШЛИМАН ЛАРЬ ПРИАМА?

Борис
ВОРОБЬЕВ

Революционный порыв И.Кулибина (а как иначе назвать его поступок, игнорирующий новоявленные рыночные отношения?) немало удивил нас. И не столько тем, что он рисковал содержимым своего кошелька, сколько поведенческим мотивом — сначала следовало бы хорошенько подумать: стоит ли вообще рисковать? Ведь статья В.Рябцева «Троянская война продолжается» в № 4 за 1996 г. не случайно сопровождалась комментарием Б.Воробьева «Суета вокруг Приама», где он подвергнул суровому остракизму историческую ценность находки Шлимана, приравняв ее к рядовому событию из деятельности «диких археологов»... Кстати, этот комментарий вызвал широкий отклик читателей, которые, в частности, вполне резонно отмечали: высказанные сомнения (учитывая важность предмета обсуждения) не мешало бы подкрепить и другими данными. Что ж, идем навстречу их пожеланиям.

При раскопках Гиссарлыкского холма, где, считается, была расположена легендарная Троя, немецкий археолог Генрих Шлиман в мае 1873 г. (а не в июне, как говорилось в статье В.Рябцева) обнаружил сокровища. Сообщение об этом стало величайшей сенсацией того времени, а кладоискатель мгновенно прославился на весь мир.

Однако не все ученые приняли на веру его заявление. Уже 7 июля 1874 г. на заседании берлинского археологического общества археолог Бернхард Штарк высказал свои сомнения по этому поводу. Тогда они мало кого убедили — все находилось под впечатлением потрясающей новости, но в наше время некоторые крупные специалисты по античности вполне солидаризировались с ним. Крайне отрицательно относился к Шлиману, например, Артемий Владимирович Арциховский, крупнейший советский археолог, член-корреспондент АН СССР; эгоцентричным фантазером и патологи-

ческим лжецом назвал Шлимана профессор античной филологии американец Уильям М.Колдер; с ним согласен его соотечественник Д.-А.Трэйл, утверждающий, что вся история с «кладом Приама» выдумана, что Шлиман либо собрал все эти вещи за время раскопок в разных слоях Гиссарлыкского холма, либо приобрел их у частников или на базарах.

Конечно, могут возразить: сомневаются в легитимности клада считанное число специалистов, то есть абсолютное меньшинство, и стало быть, их мнением можно пренебречь.

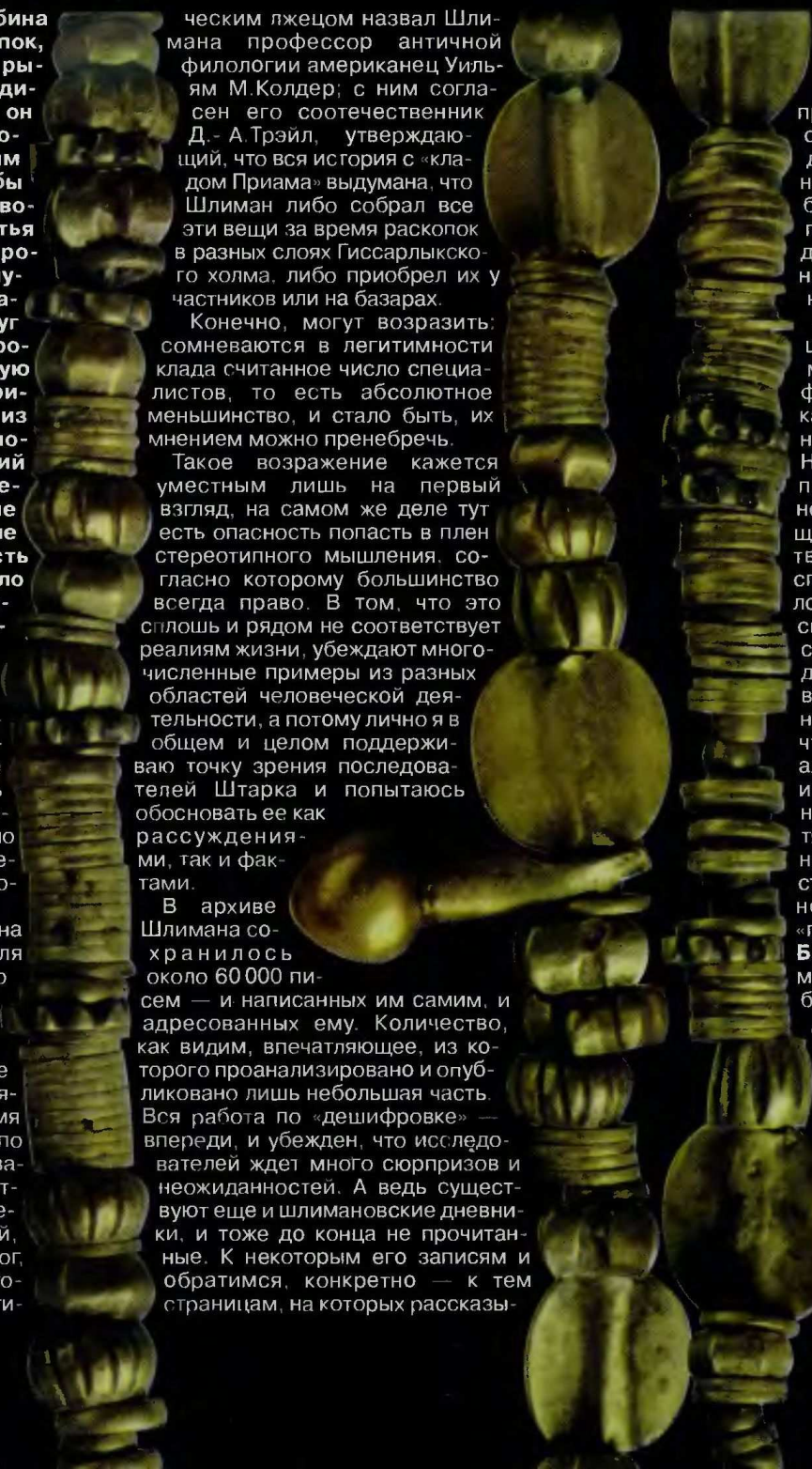
Такое возражение кажется уместным лишь на первый взгляд, на самом же деле тут есть опасность попасть в плен стереотипного мышления, согласно которому большинство всегда право. В том, что это сплошь и рядом не соответствует реалиям жизни, убеждают многочисленные примеры из разных областей человеческой деятельности, а потому лично я в общем и целом поддерживаю точку зрения последователей Штарка и попытаюсь обосновать ее как рассуждениями, так и фактами.

В архиве Шлимана сохранилось около 60 000 писем — и написанных им самим, и адресованных ему. Количество, как видим, впечатляющее, из которого проанализировано и опубликовано лишь небольшая часть. Вся работа по «дешифровке» — впереди, и убежден, что исследователей ждет много сюрпризов и неожиданностей. А ведь существуют еще и шлимановские дневники, и тоже до конца не прочитанные. К некоторым его записям и обратимся, конкретно — к тем страницам, на которых рассказы-

вается о находке «клада Приама».

Итак, цитирую:

«...когда мы начали продвигаться вдоль последней (имеется ввиду стена. — Б.В.) и обнажать ее все больше и больше, вблизи раскопанного нами старого дома, расположенного немного северо-западнее стены, мое внимание привлек обнажившийся медный предмет очень странной формы, тем более что, как мне показалось, за ним блеснуло золото. Но на этом медном предмете лежал красновато-бурый слой толщиной в 4 — 5 футов твердых, как камень, спекшихся в огне обломков... Если я хотел спасти и сохранить свою ценную находку для науки, мне прежде всего следовало принять спешные меры, чтобы уберечь ее от алчности моих рабочих и спрятать в безопасное место; поэтому, хотя время для перерыва на завтрак еще не наступило, мне пришлось немедленно объявить «пайдос» (перерыв. — Б.В.). В то время, как мои люди разбрелись и были заняты едой и отдыхом, я начал осторожно выковыривать свою находку ножом из спекшихся обломков... Мне все же не удалось бы унести найденные сокровища, если бы не помощь моей жены: все время, пока я работал, она стояла рядом со мной, готовая за-

вернуть извлеченные предметы в свою шаль...

Так как эти предметы были уложены очень компактно и вся масса в целом имела ровную четырехугольную форму, мне представилось несомненным, что когда-то все они находились в деревянном ларе, поставленном на крепостную стену. Рядом я нашел медный ключ, что подтвердило мое предположение. Возможно, кто-то уложил сокровища в ларь, в спешке даже не вытащив ключа, и поволок ларь прочь; затем на крепостной стене его настигло оружие врага или огонь, и он выронил ларь, который тут же оказался погребенным на глубине 5 футов под хлынувшей на него золой и обломками соседнего дома...

Это, как мы уже сказали, запись в дневнике Шлимана. А вот отрывок из его письма издателю Брокгаузу, написанному через три дня после находки клада: «...я рассчитал на глубине от 8 до 9 м крепостную стену и нашел в одном из примыкающих к ней помещений дома Приама нечто вроде ларя. Этот ларь был заполнен большими серебряными вазами и серебряными и золотыми кубками...»

При чтении обоих фрагментов возникает немало вопросов и недоумений. И прежде всего, ларь. Само собой разумеется, что он мог быть только деревянным, а следовательно, сгорел при пожаре. Об этом Шлиман и пишет в дневнике. Но уже через три дня, словно забыв свои же слова, уверяет Брокгауза, что нашел его. Выходит, ларь не сгорел? Но такого не может быть!

Согласен, эта неувязка не столь уж важна. Замотанный всевозможными делами и заботами, Шлиман мог и оговориться; гораздо серьезнее выглядит другая «нестыковка» фраз дневника и жизненных реалий. Речь идет о вещах, которые якобы находились в ларе. Они каким-то чудесным образом не пострадали при грандиозном пожаре Трои, во что верится с трудом. При подобных пожарах даже стальные балки перекрытий раскаляются добела и деформируются. А ведь, как явствует из приведенной записи, на сокровищах лежал толстый слой спекшихся в огне обломков. Надо полагать, что это были камни рухнувших стен, которые спеклись под действием высокой температуры в сплошной ком. Но на золоте и серебре это почему-то не сказалось, и предметы из «клада Приама», демонстрирующиеся ныне на выставке в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, выглядят словно новые. Если бы они действительно прошли через пекло троянского пожара, многие из них расплавились бы, а уцелевших не спасла бы никакая реставрация.

Далее. О том, что жены Шлимана, Софьи, не было на раскопе в день находки

клада, мы уже писали. Сейчас же продемонстрируем читателям, как он сначала фальсифицировал этот факт, а затем все же признал его.

В своей книге «Троянские древности», вышедшей в свет в 1874 г., Шлиман пишет: «Моя дорогая жена Софья с утра до поздней ночи была рядом со мной». И ниже: «Унести и спрятать сокровища было бы невозможно без помощи моей дорогой жены, она стояла рядом со мной наготове, чтобы сразу же подхватить вынутые из стены вещи...»

В другой книге «Илион» (1881) он повторяет эту версию... хотя еще в том же 1874 г. в письме к директору англического собрания Британского музея Ньютому признается, что эпизод с Софьей — выдумка: «Из-за внезапной смерти своего отца госпожа Шлиман покинула меня в начале мая. Клад был найден в конце мая...»

И вот что показательно: эпизод с Софьей отнюдь не единственный в его практике. Например, в рукописи книги «Илион», которую он отослал на прочтение Вирхову, дочери последнего, Адель, была приписана роль открывательницы сосуда, на котором имелось изображение головы быка. Почему Шлиман так поступил, непонятно, но Вирхов не согласился с предложением. «Ваш культ моей дочери, — писал он Шлиману 1 сентября 1880 г., — представляется мне психологически и фактически преувеличенным. То, что Вы рассказываете на стр 600, абсолютно не соответствует действительности...»

Как же отреагировал Шлиман? В ответном письме он просто отшутился, заявив, что, мол, его поступок не такой уж страшный грех.

Но еще больше сомнений в правдивости Шлимана возникает, когда знакомимся с публикацией английского археолога Уильяма Борлеса, помещенной в журнале «Фрейзер's мэгэзин» (1878). В ней рассказывается о Николаосе Зафиросе Яннакисе, помощнике и доверенном лице Шлимана, который, оказывается, был с ним в тот момент, когда тот нашел «клад Приама»!

Борлес сообщает: «Примерно в двадцати ярдах от Скейских ворот находится то место, где Шлиман открыл так называемый «клад Приама», но подробности этого открытия, как их описывает Николаос Зафирос, настолько отличаются от собственной версии Шлимана, что я не нахожу возможным как-то их согласовать. По поводу одного спорного пункта, где я могу определенно согласиться с господином Николаосом, господин Шлиман утверждает, что, когда он сделал открытие, он послал

всех рабочих отдыхать, а сам выкапывал все предметы. Господин Николаос, напротив, заверил меня, что он помогал Шлиману выкапывать сокровища и относить их в дом. Когда я спросил его, где же была и что делала при этом госпожа Шлиман, он сказал: «Да ее там вовсе не было, она была в то время в Афинах». Этот маленький обман со стороны Шлимана крайне неприятен — ведь в действительности свидетельство госпожи Шлиман было до сих пор единственным подтверждением его находки, пока Николаос Зафирос не заверил меня, что он при этом присутствовал... Он настаивал на том, что клад был найден не на стене, а рядом со стеной, что не было никаких явных признаков того, что клад находился в ящике или в ларе...»

Как видим, Шлиман постоянно переиначивал события в свою пользу (кстати, ключ, который он нашел рядом с ларем, на поверку оказался сломанным бронзовым зубилом), для чего у него, вероятно, имелись веские причины. Какие? — гадать не станем. Лишь повторим то, что было сказано в начале этих заметок: дальнейшие исследования дневников и писем Шлимана наверняка принесут нам много сюрпризов. Ибо, как становится все яснее, первооткрыватель Трои не только обладал буйной фантазией, но и не гнушался без зазрения совести подгонять под свои выдумки события и факты — и из своей деятельности, и из истории.

Это вынуждена косвенно признать даже немецкий археолог Элли Г.Криш, упорная защитница Шлимана. Говоря о передаче им сокровищ в дар городу Берлину, она замечает: «Нельзя игнорировать то обстоятельство, что одним из мотивов, склонивших Шлимана подарить «клад», было его постоянное желание привлечь к себе внимание высочайших кругов и тем обеспечить себе всеобщее уважение и заслуженное признание, чего так долго жаждала его душа». ■

